
ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Татьяна Нефедова

ОТ ТРАНСФОРМАЦИИ ХОЗЯЙСТВА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ К НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ

В обзорной статье показана специфика неформальной занятости сельского населения Северо-Кавказского федерального округа на примере двух регионов: Ставропольского края и Республики Ингушетия. Большой объем неформальной экономики на Северном Кавказе создает ряд значимых проблем для социальной политики. Для их решения необходимо понимать причины возникновения и сохранения неформальной экономики в этой части России. Сравнение двух регионов показывает, насколько разными могут быть эти причины. Так, в Ставропольском крае наблюдается относительно высокое развитие сельского хозяйства. Но модернизация производства, появление агрохолдингов и смена специализации сельского хозяйства на нетрудовое растениеводство привели к недостатку рабочих мест в крупных сельских населенных пунктах. Важной оказалась и специфика хозяйства разных народностей в Ставропольском крае. Это активизировало трудовую миграцию местного населения из Ставрополя в другие регионы России и в крупные города, в основном ориентированную на неформальную занятость. Это также способствовало развитию личного подсобного сельского хозяйства. В Ингушетии, в отличие от Ставрополя, сельское хозяйство в целом развито слабо, несмотря на очень высокую долю сельского населения. Регион характеризуется наивысшим в стране уровнем безработицы и высокой долей дотаций федерального центра в своем бюджете. Тем не менее экономическая активность населения на уровне домохозяйств в Ингушетии велика, но сводится в основном к нефор-

Татьяна Григорьевна Нефедова – д.г.н., главный научный сотрудник, Институт географии РАН, Москва, Россия. Электронная почта: trenel2@igras.ru

мальным видам занятости вне сельского хозяйства. Для характеристики условий возникновения неформальной экономики в обзоре приводятся данные о структуре занятости и доходов населения в двух регионах, уровне реальной и официально зарегистрированной безработицы, структуре доходов региональных бюджетов, направлениях трудовых миграций местного населения. Результаты основаны на использовании региональной и муниципальной статистики и на экспедиционных исследованиях автора в разных муниципальных районах и сельских поселениях Ставропольского края и Ингушетии.

Ключевые слова: сельская местность, Северный Кавказ, урбанизация, сельское хозяйство, модернизация, неформальная занятость, трудовая миграция

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-119-132

Северный Кавказ – весьма проблемная с точки зрения социальной политики территория РФ, если понимать социальную политику не в узком смысле конкретных мер, а как систему взаимоотношений и взаимодействий между социальными группами с целью социально-экономического развития региона и социальной безопасности населения (Князев 2013). Проблемы, решаемые социальной политикой на Северном Кавказе, во многом связаны с повышенной долей неформальной занятости и, как следствие, незащищенностью трудовых отношений в его регионах. Именно по этой причине оценка реальной ситуации с неформальной занятостью на Северном Кавказе представляется актуальной для планирования социальной политики в этом регионе. Такая оценка предложена на примере двух регионов Северного Кавказа.

Идеи о двойственности любой экономики, особенно в развивающихся странах, о невозможности функционирования там «нормальных» рыночных институтов без теневого сектора мелких хозяйств начали развиваться в Европе во второй половине XX в. (Lewis 1953; Geertz 1963; Hart 1973). Именно неформальный сектор, позволявший людям зарабатывать и выживать при несовершенных институтах, часто служил основой сохранения политической стабильности. Наиболее подробно неформальная экономика описана Джеймсом Скоттом (2005), показавшим возможности неформальной коррекции формальных институтов.

Проблемы неформальной (альтернативной) занятости в России волнуют и современных экономистов (Гимпельсон, Капелюшников 2006; Серова и др. 2009; Николаева 2017). Часто ее понимают как занятость вне трудового договора с той или иной организацией. Однако определить, сколько людей занято в этой сфере невозможно: к ней могут относиться и экономически активные граждане, определяющие себя в качестве занятых, и те, кого статистика относит к экономически неактивным (Варшавская, Денисенко 2015), поскольку они не афишируют свою занятость, но и не ищут работу. По разным оценкам, численность неформально занятых в России колеблется от 12 до 20 млн (Вольхин 2015; Королева 2017).

Ниже под неформальной понимается занятость, которая не регулируется законами и не фиксируется статистикой. При этом на практике формальную и неформальную занятость сложно разделить и легче рассматривать не как дихотомию, а как полюса континуума (Барсукова 2015). Например, на официально работающих предприятиях могут быть неформально или полужформально занятые, в т. ч. трудовые мигранты, а многие официально оформленные фермеры не отчитываются о своей хозяйственной деятельности, ведя полутеневое или теневое хозяйство (Нефедова 2013: 117–124). Нами не ставилась задача разбора определений неформальной, нелегальной, альтернативной или теневой занятости. Имеющиеся материалы позволяют рассматривать: (1) самозанятость в месте проживания, включая хозяйства населения с производством на продажу или обмен; (2) теневой или полутеневой бизнес с наемными работниками без официального договора; (3) занятость вне места проживания, в т. ч. в других регионах, которая по аналогии с дореволюционными трудовыми миграциями в России называется «отходом» (Нефедова и др. 2016).

Основным материалом послужили собственные полевые исследования автора в Ставропольском крае и в Ингушетии, материалы Росстата, в т. ч. обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) и муниципальная статистика, а также данные региональных министерств и ведомств. Относительно длительный, с 2003 по 2015 гг., мониторинг автором ситуации в Ставропольском крае, с посещением разных районов, городов, поселений позволил увидеть динамику происходящих процессов (Нефедова 2013, 2015).

Проблемы занятости населения в сельской местности России в целом и регионах Северного Кавказа

В 1990-е гг. новые институциональные условия, уменьшение дотаций сельскому хозяйству, появление конкуренции вызвали в России разную реакцию руководителей сельскохозяйственных предприятий на перемены. В сельской местности появились очаги роста и ареалы депрессии (Нефедова 2009). В условиях последовавшего в 2000-е гг. подъема сельского хозяйства Северо-Кавказский федеральный округ, особенно его равнинные территории, как лучше обеспеченные природными и трудовыми ресурсами, оказались в выигрышном положении по сравнению со многими другими частями России. Тем не менее модернизация сельской экономики в новых конкурентных условиях была неизбежна. В советское время во многих отраслях наблюдалась высокая занятость, но при низкой производительности труда предприятия испытывали дефицит работников. В результате кризиса в 1990-е гг. численность занятых сокращалась. Занятость в сельском хозяйстве уменьшалась более стремительными темпами, чем в экономике в целом. Это выявило перенаселенность сельской местности в южных регионах и активизировало урбанизацию, самозанятость и трудовую про-

странственную мобильность населения даже в экономически благополучных районах. Отставание зарплат в сельском хозяйстве и в бюджетной сфере способствовали падению престижности официальной занятости в сельской местности и выталкивали людей, особенно молодежь, в неформальную сферу, в города, в которых было больше возможностей в эту сферу вписаться. Парадокс современной ситуации состоит в том, что люди стремятся к неформальной занятости в месте, где они живут, или предпочитают трудовую миграцию в крупные города и другие регионы не только в тех местах, где нет «официальной» работы, но и там, где есть незаполненные вакансии (Нефедова и др. 2016: 83–102).

Хотя перечисленные условия были общими для регионов Северного Кавказа, различия внутри СКФО в отношении развития сельского хозяйства велики. Сельскохозяйственные предприятия к 2000-м гг. сохранились в основном на равнинных территориях, и то не везде. При этом почти всюду, кроме Дагестана, наблюдалось сокращение поголовья скота. В большинстве национальных республик традиционное животноводство в 2000-е гг. отчасти было восстановлено на базе частных хозяйств, в то время как в «русских» районах Ставропольского края, где поголовье сократилось особенно сильно, такого восстановления не произошло.

Неформальная занятость приняла значительные масштабы в регионах с разным уровнем развития сельского хозяйства. Это удобно показать на примере Ставропольского края и Ингушетии. Ингушетия отличается максимальной в России плотностью сельского населения, положительным естественным и миграционным приростом и уникальным для России высоким уровнем безработицы. На другом полюсе – Ставропольский край, олицетворяющий типичный южно-российский регион с низким естественным приростом населения, его оттоком из сельской местности и сравнительно низкой безработицей, но высоким уровнем неформальной занятости.

Ставропольский край

Главные отличия равнинных территорий Северного Кавказа от многих территорий России, помимо выгодных природных условий для сельского хозяйства, касаются человеческого капитала и его расселения. Высокая концентрация человеческого капитала связана с длительной миграционной привлекательностью северокавказской равнины. Особенности расселения Ставропольского края определяются тем, что в сельских поселениях численностью более 5 тыс. человек проживает 58 % населения при средне-российских показателях 34 % (Росстат 2018). Большой интерес к агропромышленному комплексу Юга, включающему 10 тыс. фермеров и 1,2 тыс. индивидуальных предпринимателей (Статистика России 2017: 14), проявляют крупные инвесторы. Постсоветское сокращение пахотных земель

по сравнению с другими регионами здесь было невелико. Более того, наблюдается острая борьба за землю. Тем не менее проблемы занятости в сельской местности в постсоветское время стали серьезнее.

Данные официальной статистики не содержат адекватной информации о картине занятости населения. Они с относительной точностью дают сведения лишь о тех, кто занят по договорам гражданско-правового характера и платит страховые взносы в пенсионный фонд. В наибольшей степени такие работники концентрируются на крупных и средних предприятиях, но и там «белая» занятость не является стопроцентной. По данным Министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края, официально на крупных и средних предприятиях в 2014 г. занят 41 % населения в трудоспособном возрасте, еще 9 % официально работали в малом бизнесе. И даже если учесть отраженных официальной статистикой трудоспособных, занятых в домашнем хозяйстве, студентов, инвалидов, льготников (многие из которых также работают), «зазор» между численностью экономически активного и официально занятого населения в крае составляет более чем 200 тыс. человек. При этом число безработных, зарегистрированных в государственной службе занятости, на порядок меньше (19 тыс. человек). Соответственно, уровень официальной безработицы низок (1,3 %), и даже по методике Международной организации труда он составляет всего 5,1 %.

Результаты Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) за 2013 г. показывают, что за пределы Ставропольского края в том году выезжали на работу 37 тыс. человек. Эти цифры, полученные распространением на все население опросов незначительной его доли, намного ниже оценок местных специалистов и экспертов. То же обследование позволило получить географическую картину отходничества. Почти 40 % отходников края едет в Москву и Московскую область, каждый пятый – в Краснодарский край (рис. 1).

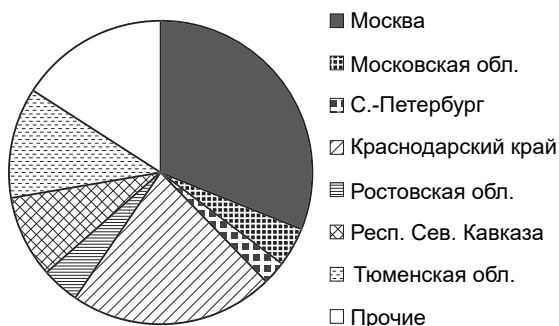

Рис. 1. Направления движения отходников из Ставропольского края По данным ОНПЗ, 2013 (Нефедова и др. 2016)

На Ставрополье наблюдаются существенные различия в специализации сельского хозяйства между районами, расположенными в западной

и центральной части края, и районами на северо-востоке края. Западные и центральные районы характеризуются более благоприятными природными условиями. В сельском хозяйстве там доминируют крупные предприятия и фермеры, занимающиеся растениеводством. На востоке и северо-востоке, в сухостепных и полупустынных районах, преобладают мелкие хозяйства (Нефедова 2013). Но при всей разнице условий доля неформально занятого населения оказалась высока и там, и там.

На западе и в центральной части края переориентация крупных предприятий на прибыльное производство зерна привела к свертыванию малорентабельного и трудозатратного молочного животноводства. Эти перемены вызвали резкое сокращение занятости в успешных сельскохозяйственных районах. Агрохолдинги также следуют этим тенденциям: даже если, кроме растениеводства, они занимаются птицеводством или свиноводством, то оно сконцентрировано в современных модернизированных комплексах. Населению крупных сел и станиц, привыкшему к наемному труду в крупных колхозах, в современных институциональных условиях трудно освоить предпринимательство. Экспедиционные исследования, проведенные в Ставропольском крае в 2011 и 2014 гг. показали, что при сложности получения кредитов, постоянных проверках с коррупционной составляющей и ожесточенной борьбе за землю, выходом из безденежья стали переход к самообеспечению на своих приусадебных участках, в т.ч. с продажей части продукции, и отход на заработки.

На востоке и северо-востоке региона и в предгорных районах, где более сложные природные условия и в основном животноводческая специализация сельского хозяйства, большую часть продукции производят личные хозяйства населения. При этом доля кавказских народностей на востоке и северо-востоке постепенно увеличивается. Например, на севере Левокумского района она возросла с одной трети в 2003 г. до половины в 2011 г. (Нефедова 2013: 305). Теневой сектор в этой части края обширнее: к нему относятся семейные хозяйства, нелегальные предприниматели с работниками, приезжающие на сезон арендаторы земель. Объем их продукции и значительная часть скота, особенно овец, не учитываются в статистике или сильно занижены. Кредиты эти производители не используют, число наемных работников неизвестно. Коренное население не может конкурировать в животноводстве с приезжими предпринимателями и уезжает в города. Возникающее напряжение в своей основе часто имеет хозяйственную подоплеку, связанную с повышенной беззанятостью населения и важностью личного подсобного хозяйства. Большие частные стада скота приезжих из соседних республик приводят к деградации пастбищных ресурсов вокруг сел (в связи с разрушением системы отгонного животноводства, предполагающей ежегодные перерывы в использовании пастбищ) и вызывают недовольство как части местного населения, так и администраций. Сложились мощные диаспоры, которые привлекают в эту часть

края земляков. Для них Ставропольский край – место для временных заработков или для ведения мелкого неформального бизнеса. Из их родных регионов приезжих выдавливают безработица и малоземелье.

Республика Ингушетия

Ингушетия – самая «сельская» по составу населения и плотно заселенная республика России. Три четверти ее населения сосредоточено в долине реки Сунжа, где плотность сельского населения превышает 300 человек на кв. км. Из-за небольших размеров региона и такой концентрации населения, более 90 % живет в часовой доступности от столиц, то есть вся равнинная часть республики – это, по существу, пригород. Столиц фактически две: «старая» – Назрань с населением 117 936 человек (на 2018 г. по данным Росстата), где городской ландшафт с многоэтажными домами и концентрацией предприятий торговли и услуг можно встретить только в центре, и новая, быстро растущая «официальная» столица Магас.

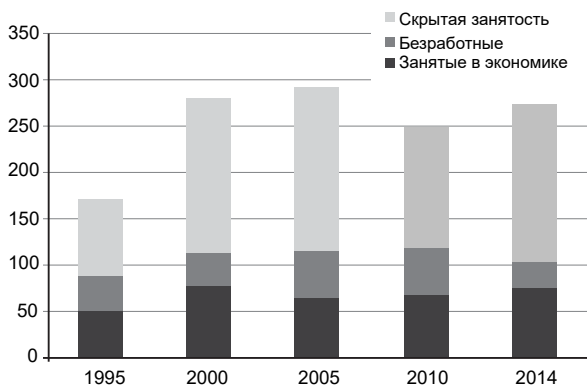

Рис. 2. Занятые и зарегистрированные безработные в трудоспособном возрасте в республике Ингушетия, тыс. человек (данные Министерства труда и занятости Респ. Ингушетии, 2016)

Несмотря на то, что сельские жители составляют около 40 % населения республики, ее трудно назвать сельскохозяйственной. Две трети продовольствия ввозятся извне. Учитывая, что половину территории занимают горы, сельскохозяйственные земли здесь в дефиците и в собственность не давались. Колхозы были преобразованы в государственные унитарные предприятия, таковых осталось немного. Российские агрохолдинги в республику не приходят. За пределами наиболее плотно заселенной долины реки Сунжа население держит скот, в т. ч. для продажи части животноводческой продукции. Но основные виды неформальной занятости – это все-таки строительство и услуги. На Рис. 2 показано, как мала доля официально занятых в экономике республики, причем, как видно из рис. 3, в основном это занятость в бюджетной сфере. Во время существования в Ингушетии

«Зоны экономического благоприятствования» (создана в 1994 г., прекратила существование в 2000-х гг.) построены здания полиграфического комбината, кондитерской фабрики, мельзавода и др. предприятий, но производства так и не сумели развернуться, отчасти из-за нехватки кадров, отчасти из-за низких заработков в легальной сфере.

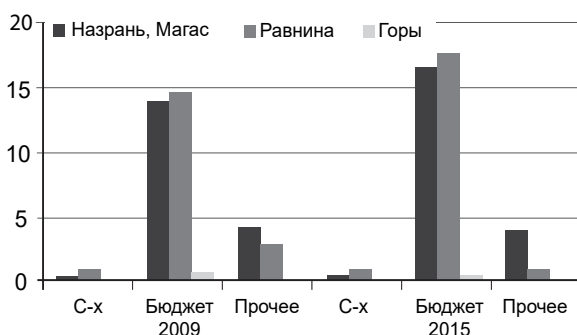

Рис. 3. Число занятых по группам отраслей в столицах, в горах и на равнине в 2009 и 2015 гг., тыс. человек (данные Росстата – муниципальная статистика, Респ. Ингушетия 2016)

В 2015 г. в республике официально было занято 79 тыс. человек. При этом обследование рабочей силы Министерством труда и занятости Ингушетии выявило 154 тыс. неофициально занятых (не только в республике, но и «на отходе» в Ростовской, Московской областях и в других регионах). Скачок безработицы в 2000-х гг., зафиксированный тем же обследованием (рис. 4), был спровоцирован большим числом беженцев из Чечни в годы военных действий. Данных федеральной статистики о количестве отходников в Ингушетии и о теневой занятости внутри республики нет.

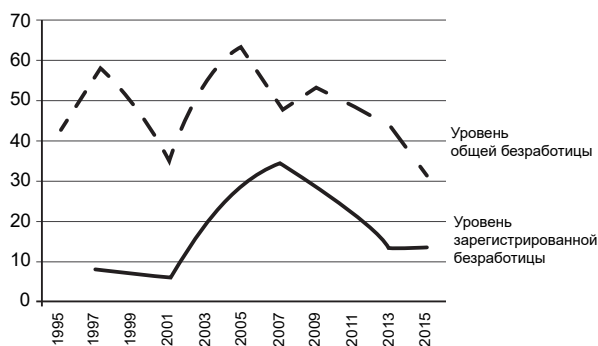

Рис. 4. Уровень безработицы в Ингушетии по данным МОТ и зарегистрированный, % (данные Министерства труда и занятости Респ. Ингушетии, 2016)

Любой, знающий о высокой безработице и бедности республики, испытывает «когнитивный диссонанс» от обилия в ней добротных кирпичных домов с аккуратными, вымощенными плиткой дворами за резными же-

лезными заборами. Объяснение лежит скорее в области культуры и традиций. Тейповая структура благодаря родственной поддержке не позволяет бедствовать и сиротствовать. В Ингушетии быть бедным позорно, надо демонстрировать успешность. Каждый мужчина, неважно, где и кем он работает, старается построить большой дом у себя на родине – это приоритетная статья семейных расходов. Стройки ведутся повсюду, что также влияет на неформальную занятость населения в строительстве. Правда, в горах, откуда уходит население, еще встречаются саманные домики. Но и там, например, в Джейрахском ущелье, возводятся каменные особняки, а интервью с населением показало, что мужчины работают на отходе в Ростовской области и на нефтепромыслах, хотя официальные данные это не отражают.

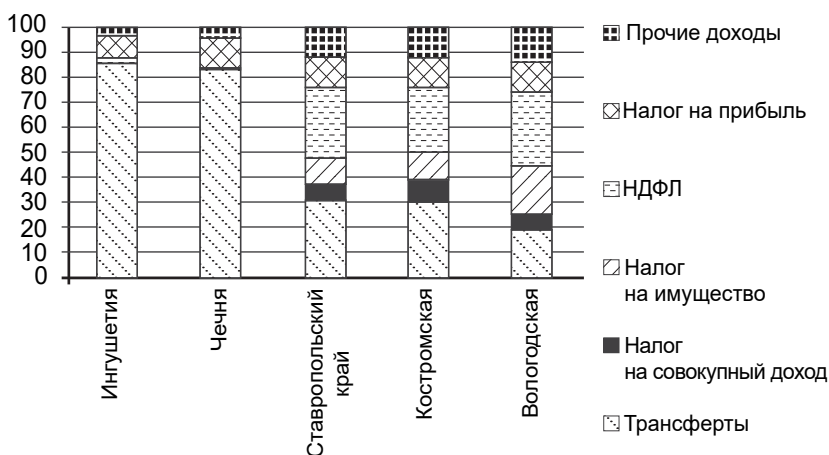

Рис. 5. Структура доходов региональных бюджетов, в % (Социальный атлас 2016)

Легальный рынок труда республики Ингушетия, особенно бюджетная сфера, живет на федеральные деньги (Социальный атлас российских регионов 2016). Отсутствие в Ингушетии собственных бюджетных доходов из-за преобладания теневой сферы, сокрытия прибыли, ухода от регистрации имущества и налогов с него хорошо видно (рис. 5) не только в сравнении по соответствующим статьям доходов со Ставропольским краем, но и с бедными нечерноземными регионами России.

Заключение

Социальная политика на Северном Кавказе должна быть связана не только с этническими и религиозными факторами в отдельных регионах,

но в значительной степени с гражданскими и экономическими институтами, обуславливающими общность их проблем. Одной из таких проблем стала массовость неформальной занятости населения. Благодаря естественному приросту и миграционной привлекательности в южных регионах России лучше сохранилась и даже выросла в постсоветское время численность населения, активного на рынке труда. Работоспособность сельского населения при дефиците устраивающих его рабочих мест способствовала расширению неформальной занятости. Она пронизывает на Северном Кавказе всю систему занятости, но в разных регионах по-разному.

Хотя ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе и отражает общую картину на юге России, она имеет и специфические особенности. Помимо политической и институциональной составляющих, важными факторами, способствующими распространению неформальной занятости, послужили исторические предпосылки, специализация и состояние экономики, демографический потенциал, традиции и географическое положение района или населенного пункта. В рассмотренных регионах, существенно различающихся по экономической ситуации, есть сильные предпосылки для неформальной занятости.

В крупных равнинных селах и станицах Ставропольского края переход на нетрудоемкое растениеводство и создание агрохолдингов с полной механизацией привели к повышенной доле официально незанятого населения. Институциональные ограничения и неготовность подавляющего большинства населения к малому бизнесу, в т.ч. в сельском хозяйстве, способствовали тому, что надежды на массовость официально оформленных фермерских хозяйств и индивидуального предпринимательства не оправдались. Население предпочитает нелегальное предпринимательство, занятость в личном хозяйстве и заработки «на стороне», в т.ч. в городах и в других регионах России. Приезжие предприниматели из соседних регионов, работающие в основном в неформальной сфере, стали стабилизаторами экономики в крупных монофункциональных селах, но создали мощную волну недовольства населения.

Решать проблемы неформальной занятости в таких регионах сложно, так как не только власти, но и сами работники часто не заинтересованы в легализации доходов. Такая занятость выгодна и тем, кто нанимает население без договоров, стараясь избежать высоких страховых взносов. Хотя нарушение трудового законодательства и прав граждан налицо, они боятся легализации, среди прочего из-за недоверия властям разных уровней. Однако федеральные власти в последние годы озаботилось не столько решением проблем занятости населения, сколько недополучением налогов от самозанятого населения всей страны. Такая политика осуществляется несмотря на то, что неформальная занятость позволяет государству избежать значительных трат на пособия по безработице, а также во многом позволяет сохранить стабильность в обществе. Проблема лишь в масштабах

такой занятости и степени недовольства населения последствиями статуса «неофициальных» работников.

И все же в южных районах с экономически активными сельскими жителями возможна частичная легализация занятости и перевод ее в сферу официального малого бизнеса. Многим официальный статус предпринимателя может быть важен для получения кредитов, помощи местных и региональных властей, для пенсионных накоплений. Необходимо также через поддержку предпринимательства стимулировать развитие среднего бизнеса в виде индустриализации в крупных селах (создание пищевых предприятий, легкой промышленности, производства стройматериалов).

Выражения благодарности

Статья подготовлена по теме госзадания Института географии РАН № 0148-2019-0008 «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности». Автор также благодарит В. С. Белозерова и Х. М. Куркиеву, которые помогли установить контакты с региональными и местными органами власти.

Список источников

Барсукова С. Ю. (2015) *Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого*. М.: Издательский центр НИУ ВШЭ.

Варшавская Е., Денисенко М. (2015) Россияне, не готовые работать. *Демоскоп Weekly*, 663–664. Доступно по ссылке: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0663/tema08.php> (дата обращения: 10 июня 2017).

Вольхин И. А. (2015) Неформальная занятость в России: современные тенденции. *ФБ.ру*. Доступно по ссылке: <http://fb.ru/article/176677/neformalnaya-zanyatost-v-rossii-sovremennyye-tendentsii> (дата обращения: 15 июня 2017).

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. (2006) *Нестандартная занятость и российский рынок труда*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.

Князев Ю. (2013) Современный взгляд на теорию социальной рыночной экономики. *Общество и экономика*, (7): 13–19.

Королева А. (2017) Самозанятые граждане получают статус. *Expert Online*. Доступно по ссылке: <http://expert.ru/2017/05/30/minyust> (дата обращения: 20 июля 2017).

Нефедова Т. Г. (2009) Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры». *Экономическая наука современной России*, (1): 62–77.

Нефедова Т. Г. (2013) *Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа*. М.: URSS-ЛЕНАНД.

Нефедова Т. Г., Аверкиева К. В., Махрова Т. В. (ред.) (2016) *Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России*. М.: Новый хронограф.

Николаева У.Г. (2017) Неформальная экономика в современном мире: определения, интерпретации, оценки. *Актуальные проблемы социально-экономического развития России*, (1): 53–64.

Росстат (2018) *Численность населения РФ по муниципальным образованиям на 1 января 2018 г.* М.: Росстат.

Серова Е., Лерман Ц., Звягинцев Д. (2009) Диверсификация источников дохода домохозяйств и альтернативная занятость: результаты обследования. *Экономический портал*. Доступно по ссылке: <http://instituciones.com/general/1061-diversifikasiya-istochnikov-dohoda.html> (дата обращения: 10 апреля 2017).

Скотт Дж. (2005) *Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни*. М.: Университетская книга.

Социальный Атлас российских регионов (2016) Тематические обзоры. Доступно по ссылке: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml#no36 (дата обращения: 15 мая 2017).

Статистика России (2017) Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам Российской Федерации. Т. 2. М.: Статистика России.

Geertz C. (1963) *Peddlers and Princes: Social Change and Economic Modernization in Two Indonesian Towns*. Chicago: University of Chicago Press.

Hart K. (1973) Informal Economy Opportunities and the Urban Employment in Ghana. *Journal of Modern Africa Studies*, 11 (1): 61–89.

Lewis A. W. (1953) Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *Manchester School*, (22): 139–191.

Tatyana Nefedova

FROM THE TRANSFORMATION OF RURAL AREAS TO INFORMAL EMPLOYMENT AMONG SOUTHERN RUSSIA'S POPULATION

The article deals with informal economic activity in two regions of the North Caucasus: The Stavropol region and the Ingush Republic. The prevalence of informal economic activity brings a number of challenges for state social policy. In order to deal with them, it is important to understand the reasons behind the rise of such practices. The paper finds that the reasons for its emergence can vary according to the specifics of a given region. Thus, in Stavropol region, agriculture is relatively more developed than in many other regions of Russia, due to the post-soviet modernization of production, the emergence of agricultural holdings and the change of specialization of agriculture to mechanized labour-intensive crop production. Despite this, these changes have led to a lack of jobs in rural relatively large settlements. The specific features of different ethnic groups and their economic activities in the Stavropol region was also important. This has resulted in unemployment in rural areas, intensified urbanization and labour migration of the local population from Stavropol to other regions of Russia and to large cities. Mainly of these migrants are focused on informal employment. This informality has also contributed to the development of private farming. The Ingush Republic contrasts Stavropol region in many ways. The rural share of its overall population is the highest in the North Caucasus, although only a very small part of this population is actually engaged in agriculture. The regional budget mainly consists of federal subsidies. Nevertheless, economic activity of local rural population is very high. It is concentrated mainly in self-employed work, but not in agriculture. In an overview of preconditions for the rise of informal economy, data are presented on the labour market and the incomes of the population in the two regions, on official and actual unemployment, on regional budgets and the destinations of migration flows. The results are based on the use of regional and municipal statistics and on the author's fieldwork in different municipal districts and rural settlements of the Stavropol region and Ingush republic.

Key words: rural areas, North Caucasus, urbanization, agriculture, modernization, unemployment, informal employment, labour migration

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-119-132

References

Barsukova S. Ju. (2015) *Esse o neformal'noj ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [Essays on the Informal Economy, or Sixteen Shades of Grey]. Moscow: Izdatel'skij centr NIU VShJe.

Tatyana Grigorjevna Nefedova – Doct. Sci. (Geography), chief researcher at the Institute of Geography, Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation. Email: trene12@igras.ru

Geertz C. (1963) *Peddlers and Princes: Social Change and Economic Modernization in Two Indonesian Towns*. Chicago: University of Chicago Press.

Gimpel'son V.E., Kapeljushnikov R.I. (2006) *Nestandartnaja zanjatost' i rossijskij rynek truda* [Non-standard Employment and the Russian Labour Market]. Moscow: Izd. dom GU VShJe.

Hart K. (1973) Informal Economy Opportunities and the Urban Employment in Ghana. *Journal of Modern Africa Studies*, 11 (1): 61–89.

Knyazev Ju. (2013) Sovremennyy vzgljad na teoriju social'noj rynochnoj ekonomiki [The Modern View on the Theory of Social Market Economy]. *Obshchestvo i Ekonomika* [Society And Economy], (7): 13–19.

Koroleva A. (2017) Samozanjatye grazhdane poluchat status [Self-employed Citizens will Receive the Status]. *Expert Online*. Available at: <http://expert.ru/2017/05/30/minyust> (accessed 20 July 2017).

Lewis A. W. (1953) Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *Manchester School*, (22): 139–191.

Nefedova T. (2013) *Desjat' aktual'nyh voprosov o sel'skoj Rossii. Otvety geografa* [Ten Topical Issues about Rural Russia. A Geographer's Viewpoint]. Moscow: URSS-LENAND.

Nefedova T. G. (2009) Poljarizacija prostranstva Rossii: arealy rosta i 'chernye dyry' [Polarization of the Space of Russia: Areas of Growth and 'black holes']. *Ekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii* [Economic Science in Contemporary Russia], (1): 62–77.

Nefedova T. G., Averkieva K. V., Makhrova A. G. (eds.) (2016) *Merzdu Domom I... Domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost' naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. The Recurrent Spatial Mobility of the Russian Population]. Moscow: Novyi Khronograph.

Nikolaeva U. G. (2017) Neformalnaja ekonomika v sovremennom mire: opredeleniya, interpretatsii, otsenki [Informal Economy in the Modern World: Definitions, Interpretations, Estimates]. *Aktual'nye problem social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Current Issues of Socio-economic Development of Russia], (1): 53–64.

Rosstat (2018) *Chislennost' naselenija Rossijskoj Federacii po municipal'nym obrazovanijam na 1 Janvarja 2018 goda* [The Population of the Russian Federation by Municipalities on January 1, 2018]. Moscow: Rosstat.

Scott G. (2005) *Blagimi namerenijami gosudarstva. Pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniya uslovij chelovecheskoj zhizni* [Good Intentions of the State. Why and How Projects for Improving the Conditions of Human Life have Failed]. Moscow: Universitetskaja kniga.

Serova E., Lerman C., Zvjagincev D. (2009) Diversifikacija istochnikov dohoda domohozjajstv i al'ternativnaja zanjatost': rezul'taty obsledovanija [Diversification of Sources of Household Income and Alternative Employment: The Results of the Survey]. *Economic portal*. Available at: <http://instituteones.com/general/1061-diversifikacija-istochnikov-dohoda.html> (accessed 10 April 2017).

Statistics of Russia (2017) *Vserossijskaja sel'skokhozjajstvennaja perepis' 2016 goda. Predvaritel'nye itogi Vserossijskoj sel'skokhozjajstvennoj perepisi 2016 goda po subjektam Rossijskoj Federacii* [All-Russian Agricultural Census 2016. Preliminary Results of the All-Russian Agricultural Census 2016 for the Subjects of the Russian Federation]. Vol. 2. Moscow: Statistics of Russia.

Social Atlas of Russian Regions (2016) *Tematicheskie obzory* [Thematic Reviews]. Available at: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml#no36 (accessed 15 May 2017).

Varshavskaja E., Denisenko M. (2015) Rossijane, ne gotovyje rabotat' [Russians are not Willing to Work]. *Demoskop Weekly*, 663–664. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0663/tema08.php> (accessed 10 June 2017).

Vol'hin I. A. (2015) Neformalnaja zanjatost' v Rossii: sovremennye tendencii [Informal Employment in Russia: Modern Trends]. *FB.ru*. Available at: <http://fb.ru/article/176677/neformalnaya-zanyatost-v-rossii-sovremennye-tendentsii> (accessed 15 June 2017).